

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

C5 + BIG 2: НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА (КОНФИГУРАЦИЯ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЫВ, СЦЕНАРИИ)

Научная статья

К.К. Рахимов

*Аппликата – центр стратегических решений,
Международный дискуссионный клуб «Валдай»
Бишкек, Кыргызская Республика
ORCID: 0000-0003-3756-9375
E-mail: kubat.rakhimov@gmail.com*

А.Д. Джекшенкулов

*Кыргызско-Российский славянский университет им. Б.Н. Ельцина
Бишкек, Кыргызская Республика
E-mail: bekkul.d@gmail.com*

Институциональные форматы взаимодействия России и Китая со странами Центральной Азии не обеспечивают трансляцию их стратегического партнерства в операционные механизмы для всего пространства C5; тезис об устаревании нарратива «большой игры» не снимает вопроса об инструментах этой трансляции. Иранский кризис 2026 г., нарушивший западную ветку МТК «Север–Юг» и обнаживший структурную асимметрию стран C5 в восприятии внешних шоков, дополнительно подтверждает актуальность поиска новой координационной архитектуры. Цель статьи – обосновать C5 + Big 2 как оптимальную инфраструктурно-координационную конфигурацию для евразийского пространства; показать ее сравнительные преимущества перед конкурирующими моделями; предложить Индекс институционального соответствия (ИИС) как аналитический инструмент сравнения; рассмотреть сценарии и риски институционализации. Материалы и методы исследования: сравнительный институциональный анализ девяти форматов взаимодействия (СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС, ОПОП–ЕАЭС, C5 + 1, ОТГ, Global Gateway ЕС, C5 + Big 2); сценарное моделирование. Теоретические рамки – транзакционные издержки (Норт) и «переговорный ресурс» (Хиришман). Эмпирическая база – данные ЕАБР, АБР, национальных статистических агентств C5. В результате исследования показано, что C5 + Big 2 является единственной конфигурацией, одновременно решающей три системных дефицита региона: дефицит связности, дефицит энергетической монетизации и дефицит коллективной переговорной субъектности. Предложен ИИС – пятифакторный индекс на основе норттовской логики снижения транзакционных издержек, позволяющий структурировано сравнивать конкурирующие форматы. ИИС C5 + Big 2 при оптимистичном сценарии (4,0) превосходит лучший из действующих форматов – ЕАЭС (3,9). Рассмотрены три сценария институционализации (реформа ШОС, расширение ЕАЭС, создание целевой конфигурации) и асимметричные эффекты дестабилизации МТК «Север–Юг» в 2026 г. для стран C5. Заключение: C5 + Big 2 не является оборонительным ответом на западное давление, а представляет проактивную стратегию, опережающую конкурирующие инициативы по темпу и масштабу. Политическая воля к созданию Банка развития C5 + Big 2 является необходимым и достаточным первым операционным шагом.

Ключевые слова: C5 + Big 2, конфигурация, Большое евразийское партнерство, институциональный разрыв, дефицит связности, энергетический резервуар, переговорный ресурс, Центральная Азия, Россия, Китай, МТК «Север–Юг», сценарный анализ.

Для цитирования: Рахимов К.К., Джекшенкулов А.Д. C5 + Big 2: новая архитектура евразийского партнерства (конфигурация, институциональный разрыв, сценарии) // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 3. С. 291–303.

C5 + BIG 2: A NEW ARCHITECTURE FOR EURASIAN PARTNERSHIP (CONFIGURATION, INSTITUTIONAL GAP, SCENARIOS)

Research article

K.K. Rakhimov

*Applicata – Center for Strategic Solutions,
Discussion Club «Valdai»
Bishkek, Kyrgyz Republic
ORCID: 0000-0003-3756-9375
E-mail: kubat.rakhimov@gmail.com*

A.D. Dzhekshenkulov

*Kyrgyz-Russian Slavic University
Bishkek, Kyrgyz Republic
E-mail: bekkul.d@gmail.com*

The institutional formats governing Russia's and China's interaction with Central Asian states fail to translate their strategic partnership into operational mechanisms for the C5 space as a whole; the obsolescence of the «great game» narrative does not resolve the question of instruments for such translation. The 2026 Iran crisis, which disrupted the western branch of the North–South Transport Corridor and exposed structural asymmetries among C5 states in absorbing external shocks, further underscores the urgency of a new coordinating architecture. Aim: to substantiate C5 + Big 2 as an optimal infrastructure-coordination configuration for the Eurasian space; to demonstrate its comparative advantages over competing models; to propose an Institutional Correspondence Index (ICI) as an analytical tool; to assess institutionalisation scenarios and risks. Materials and Methods: comparative institutional analysis of nine formats (CIS, CSTO, SCO, EAEU, BRI–EAEU, C5 + 1, OTS, EU Global Gateway, C5 + Big 2); scenario modelling; theoretical framework – transaction costs (North) and bargaining resource (Hirschman); empirical base – EADB, ADB, national statistical agencies of C5 states. Results: C5 + Big 2 is the only configuration simultaneously addressing three systemic regional deficits: connectivity deficit, energy monetisation deficit, and collective bargaining agency deficit. A five-factor ICI grounded in North's transaction-cost logic is proposed; the ICI of C5 + Big 2 under the optimistic scenario (4,0) surpasses the best existing format – the EAEU (3,9). Three institutionalisation scenarios (SCO reform, EAEU enlargement, purpose-built configuration) and the asymmetric effects of the 2026 North–South Transport Corridor destabilisation on C5 states are assessed. Conclusions: C5 + Big 2 is not a defensive response to Western pressure but a proactive strategy outpacing competing initiatives in pace and scale; political will to establish a C5 + Big 2 Development Bank constitutes the necessary and sufficient first operational step.

Key words: C5 + Big 2, configuration, Greater Eurasian Partnership, institutional gap, connectivity deficit, energy reservoir, bargaining resource, Central Asia, Russia, China, North–South Transport Corridor, scenario analysis.

For citation: Rakhimov K.K., Dzhekshenkulov A.D. C5 + Big 2: A New Architecture for Eurasian Partnership (Configuration, Institutional Gap, Scenarios) // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 3. P. 291–303. (In Russ.)

Введение: от формулы к архитектуре. Концепция C5 + Big 2 – конфигурация экономического взаимодействия 5 стран Центральной Азии с Россией и Китаем – была предложена К.К. Рахимовым в 2023 г.¹ С момента публикации геополитическая ситуация претерпела качественные изменения: конфликт вокруг Ирана нарушил ключевые евразийские транзитные маршруты, западное присутствие в Центральной Азии приобрело новые институциональные формы, а прецеденты силовых операций в Венесуэле и Иране² создали новое измерение внешней угрозы для всего евразийского пространства.

Ключевое аналитическое противоречие современного этапа: тезис об устаревании нарратива «большой игры» в Центральной Азии³ не снимает вопроса об инструментах трансляции российско-китайского партнерства в реальные механизмы экономической интеграции для пространства C5. Настоящая статья предлагает ответ на этот вопрос не через формулу, а через архитектуру: C5 + Big 2 как принципиально новый конструкт, решающий системные проблемы, которые не способен решить ни один из действующих форматов.

Цель статьи: обосновать C5 + Big 2 как оптимальную инфраструктурно-координационную конфигурацию для евразийского пространства; показать ее сравнительные преимущества перед конкурирующими моделями; предложить аналитический инструмент (ИИС) для структурирования этого сравнения; рассмотреть сценарии и риски институционализации.

Методы: сравнительный институциональный анализ, сценарное моделирование.

Теоретические рамки: транзакционные издержки [North, 1990] и «переговорный ресурс» [Hirschman, 1945].

¹ Рахимов К.К. Большая двойка для Центральной Азии // Коммерсантъ. 16.05.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5986417> (дата обращения: 26.03.2026).

² Council on Foreign Relations. A Guide to Trump's Second-Term Military Strikes and Actions. 2026. URL: <https://www.cfr.org/article/guide-trumps-second-term-military-strikes-and-actions> (дата обращения: 26.03.2026).

³ Бордачев Т.В. Призраки «большой игры» в Евразии // Valdaiclub.com. 25.03.2026. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/prizraki-bolshoy-igry-v-evrazii> (дата обращения: 26.03.2026).

Нормативный фундамент: концепция Большого евразийского партнерства (БЕП), закреплённая в Концепции внешней политики РФ 2023 г. как «широкий интеграционный контур» на базе ЕАЭС, ШОС и АСЕАН с использованием возможностей «Пояса и пути». C5 + Big 2 предлагается как операционное ядро этого контура в Центральной Азии.

Эмпирическая база: данные ЕАБР [ЕАБР, 2023], АБР [ADB, 2022], национальных статистических агентств C5.

C5 + Big 2: конфигурация, а не альянс. Прежде чем анализировать, что C5 + Big 2 решает, необходимо определить, чем эта конструкция является и чем не является. C5 + Big 2 – не военный блок, не таможенный союз и не интеграционное объединение в классическом смысле. Это инфраструктурно-координационная конфигурация – гибкая, проектная, не требующая передачи суверенитета и не подменяющая ни ШОС, ни ЕАЭС.

Конфигурация C5 + Big 2 не сконструирована *ab ovo* – она отражает историческую и географическую реальность. «Азицентризм» России на протяжении столетий определялся не столько Уралом, Сибирью и Дальним Востоком, сколько интеграцией со «Срединной Азией» – пространством, которое мы ныне называем Центральной Азией [Михалев, Рахимов, 2023]. Именно эта интеграция превратила Россию в подлинно евразийскую цивилизацию. Китай, в свою очередь, на протяжении тысячелетий воспринимал Центральную Азию как западный фланг безопасности и торговли – от Великого шелкового пути до современной инициативы «Пояс и путь». Таким образом, C5 + Big 2 – это не изобретение, а институционализация исторически сложившейся конфигурации.

Ключевое структурное свойство этой конфигурации – комплементарность «большой двойки», обозначенное в более ранней работе формулой «Русский штык – китайский юань». Россия и Китай не дублируют друг друга в Центральной Азии; они дополняют: Россия обеспечивает военно-политический зонт безопасности (ОДКБ), энергетическую инфраструктуру (АЭС через «Росатом», ГЭС, электросети), транс-

портные стандарты (колея 1520 мм), институциональную рамку через ЕАЭС и финансирование через ЕАБР. Китай привносит инвестиционный капитал через АБИИ (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, уставной капитал – 100 млрд долл.), Эксимбанк Китая (ключевой кредитор мегапроектов «Пояса и пути»), Новый банк развития БРИКС (НБР), технологическую базу для цифровизации, рынки сбыта и альтернативные маршруты. Два слоя присутствия, исторически существовавшие параллельно, впервые получают возможность стать взаимодополняющими. Порознь каждый решает лишь часть проблем региона, а вместе они формируют единственное на евразийском пространстве предложение, покрывающее весь спектр потребностей С5.

При этом страны С5 сохраняют многовекторность – фундаментальный принцип, от которого ни одна из 5 стран не готова отказаться [Агазаде и др., 2023]. Конфигурация С5 + Big 2 не требует эксклюзивности: она предлагает приоритетное координационное ядро, не закрывая возможности сотрудничества с ЕС, Турцией, Индией, США или международными финансовыми институтами. Секретариат и штаб-квартиру конфигурации целесообразно расположить в одной из столиц С5 – это создаст нейтральную площадку и снимет вопрос о доминировании любого из участников «большой двойки». Опыт ШОС, штаб-квартира которой расположена в Пекине, демонстрирует, что географическое доминирование одного из членов порождает институциональную асимметрию.

Три системных дефицита, которые решает С5 + Big 2.

1. Дефицит связности. Центральная Азия – наиболее географически изолированный макрорегион мира. Узбекистан – одна из двух *doubly landlocked* стран на планете (наряду с Лихтенштейном): чтобы достичь открытого моря, необходимо пересечь территорию как минимум двух государств. Остальные страны С5, хоть и не имеют выхода к морю, также критически зависят от транзитных маршрутов через соседей. Ни один внешний актор по отдельности не в состоянии обеспечить связность региона: ЕС находится слишком далеко;

Индия отделена от Центральной Азии Пакистаном и не имеет прямого сухопутного доступа (единственный путь – через иранский порт Чабахар); Турция зависит от узкого «бутылочного горлышка» Южного Кавказа. Только сопряжение российских и китайских транспортных коридоров обеспечивает одновременный выход С5 на три стратегических направления: на Европу (через Россию и Транскаспий), на Юго-Восточную Азию (через Китай) и на Индийский океан (через восточный луч МТК «Север–Юг»).

Конкретный пример: железная дорога «Китай–Кыргызстан–Узбекистан», строительство которой начато в 2024 г., – это не просто двусторонний проект, а структурный элемент связности, встраивающий два наиболее изолированных государства С5 в трансконтинентальную логистическую сеть. Без «большой двойки» этот проект не был бы реализован: Китай обеспечивает финансирование и технологии, а Россия – согласие в рамках ЕАЭС и координацию со Средним коридором.

2. Дефицит энергетической монетизации. Центральная Азия располагает колоссальным и диверсифицированным энергетическим потенциалом: гидроэнергетика Кыргызстана и Таджикистана, газовые запасы Туркменистана и Узбекистана, нефть и уран Казахстана. Совокупно этот «энергетический резервуар» является одним из крупнейших на евразийском пространстве, однако он критически недомонетизирован. Причина – отсутствие гарантированных рынков сбыта и маршрутов доставки. ЕС декларирует интерес к центральноазиатскому газу, но не построил ни одного трубопровода. Индия нуждается в энергоресурсах, но все маршруты из ЦА проходят через зоны нестабильности. Только Россия и Китай одновременно являются крупнейшими потребителями энергии и контролируют действующие или строящиеся маршруты доставки: газопровод «Линия D» из Туркменистана в Китай; потенциальные ЛЭП из Кыргызстана и Таджикистана в Синьцзян; атомная кооперация с участием «Росатома» в Казахстане и Узбекистане.

В хиршмановской оптике «энергетический резервуар» – это переговорный ре-

курс стран C5, реализуемый только при наличии институциональных рамок для коллективного взаимодействия с потребителями. C5 + Big 2 создает эти рамки.

3. Дефицит коллективной переговорной субъектности. Поодиночке страны C5 – малые экономики, не способные определять условия взаимодействия с великими державами [Курылев, 2024]. В конфигурации C5 + Big 2 – коллективный актор с совокупным населением более 1,6 млрд человек (Россия 146 млн + Китай 1,4 млрд + C5 75 млн), ядерным сдерживанием двух постоянных членов Совета Безопасности ООН и крупнейшим в мире диверсифицированным энергетическим потенциалом. Совокупное население C5 достигло 75 млн человек – более половины населения Российской Федерации. По оценке ЕАБР, Россия и ее союзники способны обеспечить продовольствием 600 млн человек сверх собственного потребления [ЕАБР, 2023]. Суммарный ресурсный потенциал «Россия + C5» по углеводородам, воде, земле и сельскохозяйственным угодьям является весомым аргументом в диалоге с Пекином и Глобальным Югом.

Критически важно: переговорная субъектность стран C5 внутри конфигурации не подавляется, а усиливается. Казахстан, контролирующий критические участки транзита углеводородов, приобретает «хиршмановский» рычаг воздействия на обоих партнеров. Узбекистан как крупнейший по населению и центрально расположенный становится логистическим хабом. Кыргызстан и Таджикистан, владеющие истоками трансграничных рек, получают инструмент обмена гидроресурсов на инвестиции. Туркменистан монетизирует газовые запасы через диверсификацию маршрутов. Конфигурация не поглощает суверенитет, она капитализирует его.

Сравнительный анализ конкурирующих форматов. Конфигурация C5 + Big 2 существует не в вакууме: она конкурирует за внимание и ресурсы с четырьмя альтернативными моделями внешнего участия в Центральной Азии.

Ни один из действующих форматов не решает одновременно все три дефицита: связности, энергетической монетизации и

переговорной субъектности. СНГ и ОДКБ лишены экономического операционного содержания. ШОС расфокусирована расширением и лишена финансового инструмента [Kogemenos et al., 2001; Курылев и др., 2021]. ЕАЭС институционально дееспособен, но охватывает лишь 2 из 5 стран C5 и не включает Китай [Dragneva, Wolczuk, 2017]. ОПОП–ЕАЭС остается декларативным [Laruelle, Peyrouse 2012; Libman, Vinokurov, 2012]. C5 + 1 (США), ОТГ и Global Gateway ЕС работают в нормативном поле [Cooley, Heathershaw, 2017; Kudaibergenova, 2020]. Структурное преимущество C5 + Big 2 перед западными и турецкими форматами – конкретные деньги и инфраструктура вместо конкретных норм и рекомендаций. Страны C5 прагматичны: при прочих равных они предпочтут формат, дающий мосты и электростанции, а не доклады о верховенстве права.

Сравнительный анализ конкурирующих форматов внешнего участия в Центральной Азии представлен в табл. 1.

C5 + Big 2 – единственная конфигурация, в которой все элементы – капитал (АБИИ, НБР, Эксимбанк Китая, ЕАБР), безопасность (ОДКБ), рынки сбыта (Россия + Китай = 1,5 млрд потребителей), транспортные маршруты, энергетическая инфраструктура и институциональная координация (ЕЭК) – обеспечиваются одновременно. Ее единственная структурная слабость – нулевая институциональная зрелость – является преодолимой, в отличие от географических и ресурсных ограничений конкурентов.

Проактивное опережение: C5 + Big 2 как стратегия, а не реакция. Принципиальный тезис: C5 + Big 2 – не оборонительный ответ на западное давление, а проактивная стратегия, которая опережает конкурирующие инициативы по темпу и масштабу.

США формализуют формат C5 + 1, но C5 + Big 2 к этому моменту уже обеспечивает более 80% внешнеторгового оборота стран C5 [ЕАБР, 2023]. Американский формат работает в информационном вакууме: он предлагает повестку, но не инвестиции. ЕС запускает Global Gateway, но пока Брюссель проводит технико-экономические обоснования, Китай и Россия уже строят ЖД «Китай–Кыргызстан–Узбекистан», со-

гласовывают строительство АЭС в Казахстане и Узбекистане, прокладывают газопровод «Линия D». Турция продвигает Средний коридор, но C5 + Big 2 включает и

Средний, и Северный, и Южный коридоры одновременно, превращая турецкую инициативу не в альтернативу, а в один из элементов более широкой конструкции.

Таблица 1

Сравнительный анализ конкурирующих форматов внешнего участия в Центральной Азии

Формат	Что предлагает	Структурные ограничения	ИИС-потолок
C5 + 1 (США)	Безопасность, реформы, гранты, нормативная по- вестка	Нет инфраструктуры, нет капитала для мегапроектов, дистанция 10 000+ км, кризис доверия после Афганистана	2,0
Тюркский мир (Турция)	Идентичность, мягкая си- ла, Средний коридор	Нет капитала для мегапроектов, зависи- мость от Грузии/Азербайджана как тран- зита, КР и ТДЖ – не тюркоязычные	1,5–2,0
ЕС (Global Gateway)	Кредиты, стандарты, вер- ховенство права	Медленная бюрократия, жесткая конди- циональность, 40 млрд € на всю Азию, нет стратегической воли	1,5–2,0
Индия (INSTC)	Коридор «Север–Юг», рынок 1,4 млрд	Коридор не достроен, нет прямого выхо- да в C5 без Ирана, внутренние приори- теты доминируют	1,0–1,5
C5 + Big 2	Капитал + безопасность + рынки + маршруты + энер- гетика + институты	Нулевая институциональная зрелость (ИР-5 = 0), риск российско-китайской конкуренции за стандарты	3,0–4,0

Источник: составлено автором.

Иран участвует в МТК «Север–Юг», но C5 + Big 2 способен интегрировать МТК «Север–Юг» через «полукольцо» восточного маршрута по Каспию [Михалев, Рахимов, 2023; Бельдей и др., 2003], превращая Иран из конкурента в элемент конфигурации. Парадокс: каждая из конкурирующих инициатив, будучи включенной в логику C5 + Big 2, не теряет, а приобретает дополнительную ценность. Это свойство делает конфигурацию не альтернативой существующим форматам, а их надстройкой.

Структура выигрышей: что получает каждый участник. Устойчивость любой международной конфигурации определяется тем, выигрывает ли каждый участник или нет. В логике ненулевой суммы C5 + Big 2 генерируют следующие выигрыши:

– *Казахстан:* диверсификация экспортных маршрутов (не только КТК), модернизация энергосектора (АЭС), институциональное закрепление позиции ключевого

узла восточного луча МТК «Север–Юг», доступ к капиталу Банка развития, сохранение многовекторности:

– *Узбекистан:* доступ к морям через ЖД «КНР–КР–УЗБ», финансирование индустриализации через Банк развития, монетизация газа, позиция центрального узла C5, формат как дополнительный рычаг в переговорах с ЕС и США;

– *Кыргызстан:* преодоление геоизоляции через ЖД «КНР–КР–УЗБ», финансирование Камбар-Атинской ГЭС-1 и малых ГЭС, экспорт электроэнергии в Китай (ЛЭП), транзитные доходы, компенсаторные механизмы при росте цен на углеводороды (критично при зависимости от переводов мигрантов ~20–25% ВВП);

– *Таджикистан:* завершение Рогунской ГЭС с гарантированными потребителями (Китай, Узбекистан), компенсаторные механизмы при внешних шоках, страховка от нестабильности афганского вектора че-

рез российский военно-политический зонтик (ОДКБ);

– *Туркменистан*: газовая диверсификация (Линия D + восточный луч МТК «Север–Юг»), выход из моноканальной зависимости от одного покупателя, участие не противоречит постоянному нейтралитету – формат экономический, не военно-политический;

– *Россия*: институциональное оформление статуса ведущей державы региона без издержек гегемонии, синергия «Русского штыка» и «Китайского юаня», наполнение ЕАЭС реальным содержанием, инструмент координации с Китаем вместо латентной конкуренции;

– *Китай*: легитимация масштабного экономического присутствия в ЦА через многосторонний формат (снижает восприятие угрозы суверенитету), «энергетический резервуар» на своих границах как альтернатива Ормузу, безопасность западных маршрутов «Пояса и пути», координация с Россией вместо трения;

– особо отметим позицию *Туркменистана*: формат C5 + Big 2 совместим с его конституционным нейтралитетом, поскольку конфигурация не требует военных обязательств или передачи суверенитета – только проектное участие.

Структура выигрышей участников C5 + Big 2 представлена в табл. 2.

Индекс институционального соответствия: инструмент измерения. Для структурирования сравнительного анализа предлагается Индекс институционального соответствия (ИИС). Его статус необходимо определить: ИИС не является верификационным инструментом в статистическом смысле. Он систематизирует качественные суждения по единому основанию, делает сравнение прозрачным и воспроизводимым. ИИС включает 5 индикаторов. Выбор каждого из них обоснован через нортговскую логику снижения транзакционных издержек: ИР-1 – охват C5 (0–1, шаг 0,2); ИР-2 – наличие финансового инструмента (0/0,5/1); ИР-3 – качество координационного механизма (0/0,5/1); ИР-4 – фокус на центрально-азиатской повестке (0/0,5/1); ИР-5 – институциональная зрелость (0/0,5/1). Последний индикатор введен для методологической

непредвзятости: C5 + Big 2 как несуществующий формат получает по нему оценку 0.

Результаты (табл. 3): ШОС – 2,8; ЕАЭС – 3,9 (лучший из действующих); ОПОП–ЕАЭС – 1,4; C5 + Запад – 2,0; C5 + Big 2 оптимистичный – 4,0; C5 + Big 2 пессимистичный – 3,0.

Результаты подтверждают аналитический тезис: лучший из действующих форматов – ЕАЭС (3,9) – ограничен неполным охватом C5 и отсутствием китайского участия; ШОС (2,8) страдает от институционального размывания вследствие расширения [Vinokurov, 2018]; ОПОП–ЕАЭС (1,4) остается декларативным концептом без собственных институтов [Laruelle, Peygouse, 2012; Libman, Vinokurov, 2012]; форматы C5 + с западным участием (2,0) ориентированы на нормативную повестку, а не на инфраструктурные инвестиции [Cooley, Heathershaw, 2017; Kudaibergenova, 2020]. C5 + Big 2 при оптимистичном сценарии (4,0) превосходит все альтернативы; при пессимистичном (3,0) уступает ЕАЭС по ИИС, но сохраняет структурное преимущество по охвату C5 и включению Китая.

Три сценария институционализации:

1) сценарий А: реформа ШОС через субформат. Россия, Китай и страны C5 формируют «Шанхайскую семерку» как операционное ядро разноскоростной интеграции [Stubb, 1996]. Это наименее амбициозный, но и наименее рискованный путь. Преимущества: не требует новой правовой конструкции. Ограничения: Банк ШОС по-прежнему отсутствует. Горизонт реализации: 1–2 года. Предполагаемый ИИС: 2,8–3,2;

2) сценарий Б: расширение ЕАЭС (желательный, но не обязательный). Вступление Узбекистана и Таджикистана при усилении полномочий ЕЭК. Преимущества: опора на наиболее зрелый формат. Критические ограничения: Туркменистан принципиально сохраняет постоянный нейтралитет; Китай остается за рамками; Узбекистан не демонстрирует готовности к вступлению в обозримой перспективе [Vinokurov, Libman, 2012; Dragneva, Wolczuk, 2017]. Данный сценарий желателен как дополнительная регуляторная база, но его нереализация не должна блокировать переход к сценарию В. Предполагаемый ИИС: 3,5–4,2;

Таблица 2

Структура выигрышей участников C5 + Big 2

Страна-участник	Ключевые выигрыши в рамках C5 + Big 2
Казахстан	Диверсификация экспортных маршрутов (не только КТК); модернизация энергосектора (АЭС); статус логистического хаба между Россией и Китаем; повышение переговорного ресурса по Хиршману
Узбекистан	Доступ к морям через ЖД «КНР–КР–УЗБ» и восточный луч INSTC; монетизация газовых запасов; промышленная кооперация; позиция центрального узла C5
Кыргызстан	Преодоление геоизоляции через ЖД «КНР–КР–УЗБ»; экспорт гидроэлектроэнергии в Китай (ЛЭП) и C5; транзитные доходы; инвестиции в инфраструктуру
Таджикистан	Завершение Рогунской ГЭС с гарантированными потребителями (Китай, Узбекистан); встраивание в транспортные коридоры через Кыргызстан; снижение энергодефицита
Туркменистан	Газовая диверсификация (Линия D + восточный луч INSTC); выход из моноканальной зависимости от одного покупателя; сохранение нейтралитета при участии в проектной конфигурации
Россия	Наполнение ЕАЭС реальным содержанием; транзитный доход; стратегическая глубина на южном фланге; координация с Китаем вместо конкуренции в ЦА
Китай	Безопасность западных маршрутов «Пояса и пути»; доступ к энергоресурсам ЦА как альтернатива Ормузу; буферная зона стабильности для СУАР; координация с Россией вместо латентной конкуренции

Источник: составлено автором.

Таблица 3

ИИС: сравнительный анализ форматов (шкала 0–5)

Формат	ИР-1	ИР-2	ИР-3	ИР-4	ИР-5	ИИС
ШОС	0,8	0	0,5	0,5	1,0	2,8
ЕАЭС	0,4	0,5	1,0	1,0	1,0	3,9
ОПОП–ЕАЭС	0,4	0	0	0,5	0,5	1,4
C5 + Запад	1,0	0	0	0,5	0,5	2,0
C5 + Big 2 оптим*	1,0	1,0	1,0	1,0	0	4,0
C5 + Big 2 пессим*	1,0	0,5	0,5	1,0	0	3,0

Примечание: * – C5 + Big 2 не существует; ИР-5 = 0.

Источник: составлено автором.

3) сценарий В: C5 + Big 2 как целевая конфигурация. Банк развития (с опорой на ЕАБР, АБИИ и Эксимбанк Китая), секретариат в одной из столиц C5 (нейтральная площадка), приоритетный проектный порт-

фель. Преимущества: максимальный охват C5, Китай – полноправный участник, гибкость проектного формата. Ограничения: ИР-5 = 0, требует политической воли. Горизонт реализации: 3–5 лет. ИИС: 3,0–4,0.

Оптимальная траектория – от А к В: реформа ШОС (Сценарий А) создает прецедент разноскоростной интеграции и политическую коалицию поддержки; С5 + Big 2 (сценарий В) достраивает недостающее звено – Банк развития с китайским участием и общий секретариат. Расширение ЕАЭС (сценарий Б) желательнее как параллельный процесс, укрепляющий регуляторную базу, но не является обязательным промежуточным звеном. Формирование С5 + Big 2 не требует ожидания идеальных условий, оно требует одного конкретного шага: создания Банка развития. Этот шаг переводит конструкт из категории концепции в категорию операционного инструмента.

Геополитический контекст 2026 г.: иранский кризис и С5. Конфликт вокруг Ирана в начале 2026 г. повлек существенное снижение транзита по западной ветке МТК «Север–Юг» и значительный рост военных надбавок к страховым ставкам в Персидском заливе¹. Эти события подтвердили тезис, обоснованный еще в 2002–2003 гг. [Бельдей и др., 2003]: восточный луч МТК «Север–Юг» – «Хазаро-Ганзейский торговый путь» по оси «Россия–Казахстан–Туркменистан–Иран» (восточное побережье Каспия) – политически более устойчив, чем азербайджанская ветка. Последняя вписана в логику Зангезурского коридора, затачиваемого как инструмент ослабления российского транзитного контроля на Южном Кавказе. Развитие азербайджанского маршрута за счет инвестиций России и Китая де-факто укрепляло бы страну с двойной геополитической повесткой [Михалев, Рахимов, 2023].

Иранский кризис обнажил структурную разнородность С5: Казахстан как нефтеэкспортер получил краткосрочный выигрыш от роста котировок; Кыргызстан и Таджикистан как нетто-импортеры понесли прямые потери через инфляцию [ЕАБР, 2023]. Эта асимметрия – аргумент в пользу координационного механизма с компенса-

торными функциями: именно то, что предлагает С5 + Big 2.

Системное измерение: прецеденты Венесуэлы и Ирана создали для элит С5 дополнительный стимул к диверсификации и углублению институциональной консолидации с Россией и Китаем как к страховочному механизму. Это придает концепции С5 + Big 2 дополнительную актуальность, выходящую за рамки экономической логики.

Приоритетные проекты и системные риски:

– **Банк развития С5 + Big 2.** Отсутствие финансового инструмента (ИР-2 = 0 у ШОС и ОПОП–ЕАЭС) – наибольший источник транзакционных издержек. С 1991 г. только ЕБРР инвестировал более 1,5 млрд евро в центральноазиатские проекты – место, которое должен занять западный аналог. Ресурсная база для этого уже существует. С российской стороны – ЕАБР (Евразийский банк развития), с китайской – АБИИ (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, уставной капитал – 100 млрд долл.). Образцом масштабирования может служить Российско-Кыргызский фонд развития (РКФР) – крупнейший инвестиционный фонд в Центральной Азии: совокупный объем финансирования превысил 1 млрд долл.; профинансировано более 3500 проектов во всех регионах Кыргызстана; вклад предприятий, поддержанных РКФР, достиг 10% ВВП республики [ЕАБР, 2023]. Только в 2025 г. одобрены 173 новых проекта на 360 млн долл., 180 млн долл. направлено в энергетику. К 2027 г. запланировано еще 630 млн долл. инвестиций. Этот кейс демонстрирует жизнеспособность двустороннего инвестиционного формата под санкционным давлением (160 млн долл. были защищены даже в условиях ареста активов в Бельгии). Реорганизация РКФР в Российско-Центральноазиатский фонд развития – реальный первый операционный шаг к Банку С5 + Big 2;

– **Евразийский атомный консорциум РФ–КНР–ЦА.** Атомная энергетика – наиболее перспективное направление операционного сотрудничества в формате С5 + Big 2, формирующее полную цепочку добавленной стоимости внутри конфигурации. Россия через «Росатом» реализует проекты АЭС в Казахстане и Узбекистане; Китай

¹ Kpler. Global Commodities Trade Intelligence. Q1 2026. URL: <https://kpler.com/reports> (дата обращения: 26.03.2026); Lloyd's Market Association. Joint War Committee: Hull War Listed Areas. Briefing Note, February 2026. URL: <https://www.lmalloyds.com> (дата обращения: 26.03.2026).

через CNNC (Китайская национальная ядерная корпорация) располагает собственной реакторной технологией (Hualong One) и опытом масштабного строительства. Казахстан и Узбекистан владеют одними из крупнейших в мире запасов урана¹ – Казахстан стабильно занимает первое место в мировой добыче. Кыргызстан и Таджикистан являются потенциальными потребителями атомной генерации как альтернативы сезонному гидроэнергетическому дефициту. Создание Евразийского атомного консорциума (ЕАК) на базе «Росатома» и CNNC с участием стран С5 позволило бы выстроить замкнутую цепочку «от руды до киловатта» внутри конфигурации; создать конкуренцию реакторных технологий (что выгодно странам С5 как заказчикам); обеспечить урановым экспортерам С5 роль полноценных участников цепочки, а не только поставщиков сырья; преобразовать двусторонние проекты в многостороннюю индустриальную платформу.

Центральная Азия как энергетический резервуар для Китая. В условиях нестабильности Ормузского пролива² потенциальный масштаб инвестиций в диверсификацию энергоснабжения через С5 сопоставим с крупнейшими проектами «Пояса и пути» [Huang, 2016]. Системные риски: асимметрия интересов внутри С5 (Казахстан – самостоятельность, Узбекистан – диверсификация); латентная российско-китайская конкуренция за стандарты и расчетную валюту; внешнее санкционное давление; институциональная инерция (опыт нереализованного Банка ШОС и декларативного ОПОП–ЕАЭС [Laruelle, Peyrouse, 2012]).

Цифровая инфраструктура и нарративный суверенитет. Особую актуальность в рамках С5 + Big 2 приобретает цифровая повестка: создание совместных платежных систем, платформ электронной

торговли, работающих вне зависимости от западных технологических стандартов. Стратегическое измерение проблемы: западные AI-системы формируют картину мира молодежи Центральной Азии через призму внешней оптики. Создание евразийских AI-платформ на языках региона – кыргызском, казахском, узбекском, таджикском – является задачей с 3–5-летним горизонтом реализации и прямым вкладом в нарративный суверенитет С5.

Заключение. Настоящая статья решает двойную задачу.

Во-первых, она обосновывает С5 + Big 2 как принципиально новый конструкт – не блок, не союз, а инфраструктурно-координационную конфигурацию, решающую три системных дефицита Центральной Азии: связности, энергетической монетизации и коллективной переговорной субъектности. Ни один из конкурирующих форматов (С5 + 1, тюркская интеграция, Global Gateway, МТК «Север–Юг») не решает все три дефицита одновременно.

Во-вторых, статья аналитически доказывает институциональный разрыв: действующие форматы взаимодействия России и Китая с Центральной Азией не обеспечивают трансляцию их стратегического партнерства в операционные механизмы для всего пространства С5. Лучший из них – ЕАЭС (ИИС = 3,9) – ограничен неполным охватом и отсутствием Китая. С5 + Big 2 при преодолении институциональной незрелости (ИР-5 = 0) структурно превосходит все альтернативы (ИИС = 4,0).

В теоретических рамках Норта и Хиршмана: действующие форматы не снижают транзакционные издержки до уровня, соответствующего потенциалу партнерства. Страны С5 обладают реальным переговорным ресурсом, но лишены рамок для его коллективной реализации. С5 + Big 2 способен одновременно снизить издержки и создать эти рамки при условии политической воли, которую данная статья описывает как необходимое условие, но не моделирует.

Направления дальнейших исследований: межэкспертная верификация ИИС; технико-экономическое обоснование Банка развития С5 + Big 2; сравнительный анализ прецедентов создания новых финансовых

¹ World Nuclear Association. Uranium in Central Asia. 2025. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/others/uranium-in-central-asia> (дата обращения: 26.03.2026).

² US Energy Information Administration. Strait of Hormuz: World's Most Important Oil Chokepoint. 2025. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=64786> (дата обращения: 26.03.2026).

институтов в условиях великодержавной конкуренции.

Парадоксальный вывод: американская политика дестабилизации евразийской связности – иранский кризис, антироссийские санкции, затачивание Зангезурского коридора – объективно ускоряет созревание условий для С5 + Big 2. Разрыв МТК «Север–Юг» делает восточный маршрут стратегическим приоритетом. Санкционное давление стимулирует создание альтернативных

финансовых механизмов. Угрозы безопасности сплачивают, а не разобщают.

Как говорит буддийская поговорка, маленький камушек всегда найдет место среди двух больших камней. Страны Центральной Азии уже находят свое место, вопрос только в том, насколько умно «большие камни» помогут им это сделать.

Окно возможностей открыто. Цена промедления – еще одно потерянное десятилетие.

ЛИТЕРАТУРА

- Агазаде М.М., Дегтерев Д.А., Курьлев К.П. Постсоветский регионализм на перепутье // Постсоветские исследования. 2023. № 3 (6). С. 341–351.
- Бельдей В.А., Рахимов К.К., Переслегин С.Б. и др. Азиатский козырь России // РЖД-партнер. 2003. № 3. С. 8–13.
- Евразийский банк развития. Доклад об интеграции – 2023. Алматы: ЕАБР, 2023. 184 с.
- Курьлев К.П., Малышев Д.В., Хотивришвили А.Е., Шабловский В.В. ШОС и ЕАЭС в контексте евразийской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 2. С. 81–88.
- Михалев А.В., Рахимов К.К. Евразия с точки зрения Фуко: перспективы моделей интеграции в Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1–2. С. 96–112.
- Михалев А.В., Рахимов К.К. Между Ираном и Тураном, или новые горизонты Большого евразийского партнерства // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 6. С. 142–158.
- Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. К.П. Курьева. М.: Аспект Пресс, 2024. 816 с.
- Asian Development Bank. Central Asia Regional Economic Cooperation: 25 Years. Manila: ADB, 2022. 96 p.
- Cooley A., Heathershaw J. Dictators without Borders. New Haven, 2017. 288 p.
- Council on Foreign Relations. A Guide to Trump's Second-Term Military Strikes and Actions. N.Y., 2026.
- Dragneva R., Wolczuk K. The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power. London, 2017. 48 p.
- Hirschman A.O. National Power and the Structure of Foreign Trade. Berkeley, 1945. 172 p.
- Huang Y. Understanding China's Belt and Road Initiative // Journal of International Economics. 2016. Vol. 22. № 3. P. 1–25.
- Koremenos B., Lipson C., Snidal D. The Rational Design of International Institutions // International Organization. 2001. Vol. 55. № 4. P. 761–799.
- Kudaibergenova D.T. External Powers and the Politics of Progress in Central Asia // Asian Security. 2020. Vol. 16. № 2. P. 138–155.
- Laruelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia. N.Y.: Columbia University Press, 2012. 256 p.
- Libman A., Vinokurov E. Is It Really Different? Patterns of Regionalisation in the Post-Soviet Space // Post-Soviet Affairs. 2012. Vol. 28. № 2. P. 108–138.
- Lloyd's Market Association. Joint War Committee: Hull War Listed Areas. Briefing Note, February 2026. London: LMA, 2026.
- New Development Bank. Annual Report 2023. Shanghai: NDB, 2024. 128 p.
- North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
- Peyrouse S. Discussing China: Sinophilia and Sinophobia in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. 2016. Vol. 7. № 1. P. 14–23.
- Stubb A. Differentiated Integration // Journal of Common Market Studies. 1996. Vol. 34. № 2. P. 283–295.
- Vinokurov E. The Eurasian Development Bank as a Tool of Regional Integration // Post-Soviet Affairs. 2018. Vol. 34. № 6. P. 438–455.

Vinokurov E., Libman A. Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. 268 p.

World Nuclear Association. Uranium in Central Asia. Westminster, 2025.

REFERENCES

Agazade M.M., Degterev D.A., Kurylev K.P. Postsovetskiy regionalizm na pereput'ye // Postsovetskie issledovaniya. 2023. № 3 (6). S. 341–351. (In Russ.) [*Agazade M.M., Degterev D.A., Kurylev K.P.* Post-Soviet Regionalism at a Crossroads // Post-Soviet Studies. 2023. № 3 (6). P. 341–351.]

Asian Development Bank. Central Asia Regional Economic Cooperation: 25 Years. Manila: ADB, 2022. 96 p.

Beldey V.A., Rakhimov K.K., Pereslegin S.B. i dr. Aziatskiy kozyr' Rossii // RZHD-Partner. 2003. № 3. S. 8–13. (In Russ.) [*Beldey V.A., Rakhimov K.K., Pereslegin S.B. et al.* Russia's Asian Trump Card // RZD-Partner. 2003. № 3. P. 8–13.]

Cooley A., Heathershaw J. Dictators without Borders. New Haven, 2017. 288 p.

Council on Foreign Relations. A Guide to Trump's Second-Term Military Strikes and Actions. N.Y., 2026.

Dragneva R., Wolczuk K. The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power. London, 2017. 48 p.

Evraziyskiy bank razvitiya. Doklad ob integratsii – 2023. Almaty: EABR, 2023. 184 s. (In Russ.) [Eurasian Development Bank. Integration Report – 2023. Almaty: EDB, 2023. 184 p.]

Hirschman A.O. National Power and the Structure of Foreign Trade. Berkeley, 1945. 172 p.

Huang Y. Understanding China's Belt and Road Initiative // Journal of International Economics. 2016. Vol. 22. № 3. P. 1–25.

Koremenos B., Lipson C., Snidal D. The Rational Design of International Institutions // International Organization. 2001. Vol. 55. № 4. P. 761–799.

Kudaibergenova D.T. External Powers and the Politics of Progress in Central Asia // Asian Security. 2020. Vol. 16. № 2. P. 138–155.

Kurylev K.P., Malyshev D.V., Khotivrishvili A.Ye., Shablovsky V.V. ShOS i EAES v kontekste evraziyskoy integratsii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. 2021. T. 65. № 2. S. 81–88. (In Russ.) [*Kurylev K.P., Malyshev D.V., Khotivrishvili A.E., Shablovsky V.V.* SCO and the EAEU in the Context of Eurasian Integration // World Economy and International Relations. 2021. Vol. 65. № 2. P. 81–88.]

Laruelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia. N.Y.: Columbia University Press, 2012. 256 p.

Libman A., Vinokurov E. Is It Really Different? Patterns of Regionalisation in the Post-Soviet Space // Post-Soviet Affairs. 2012. Vol. 28. № 2. P. 108–138.

Lloyd's Market Association. Joint War Committee: Hull War Listed Areas. Briefing Note, February 2026. London: LMA, 2026.

Mikhalev A.V., Rakhimov K.K. Evraziya s tochki zreniya Fuko: perspektivy modeley integratsii v Tsentral'noy Azii // Rossiya v global'noy politike. 2024. T. 22. № 1–2. S. 96–112. (In Russ.) [*Mikhalev A.V., Rakhimov K.K.* Eurasia from Foucault's Point of View: Prospects for Integration Models in Central Asia // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22. № 1–2. P. 96–112.]

Mikhalev A.V., Rakhimov K.K. Mezhdunarodnyye otnosheniya Iranom i Turanom, ili novye gorizonty Bol'shogo evraziyskogo partnerstva // Rossiya v global'noy politike. 2023. T. 21. № 6. S. 142–158. (In Russ.) [*Mikhalev A.V., Rakhimov K.K.* Between Iran and Turan, or New Horizons of the Greater Eurasian Partnership // Russia in Global Affairs. 2023. Vol. 21. № 6. P. 142–158.]

New Development Bank. Annual Report 2023. Shanghai: NDB, 2024. 128 p.

North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.

Peyrouse S. Discussing China: Sinophilia and Sinophobia in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. 2016. Vol. 7. № 1. P. 14–23.

Stubb A. Differentiated Integration // Journal of Common Market Studies. 1996. Vol. 34. № 2. P. 283–295.

Tsentral'naya Aziya kak formiruyushchayasya podsystema mezhdunarodnykh otnosheniy / pod red. K.P. Kuryleva. M.: Aspekt Press, 2024. 816 s. (In Russ.) [Central Asia as an Emerging Subsystem of International Relations / ed. by K.P. Kurylev. M.: Aspekt Press, 2024. 816 p.]

Vinokurov E. The Eurasian Development Bank as a Tool of Regional Integration // Post-Soviet Affairs. 2018. Vol. 34. № 6. P. 438–455.

Vinokurov E., Libman A. Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. 268 p.

World Nuclear Association. Uranium in Central Asia. Westminster, 2025.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рахимов Кубатбек Калыевич, кандидат экономических наук, МРА, МВА; исполнительный директор ОФ «Аппликата – центр стратегических решений»; эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай»; соискатель ученой степени доктора политических наук; сотрудник Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика).
E-mail: kubat.rakhimov@gmail.com

Джекшенкулов Аликбек Джекшенкулович, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Кыргызско-Российского славянского университета им. Б.Н. Ельцина; министр иностранных дел Кыргызской Республики (2005–2007); чрезвычайный и полномочный посол Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика).
E-mail: bekkul.d@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kytatbek K. Rakhimov, PhD in economics, MPA, MBA; executive director of «Applicata – Center for Strategic Solutions»; expert of Discussion Club «Valdai»; candidate for the degree of Doctor of Political Sciences; member of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic).
E-mail: kubat.rakhimov@gmail.com

Alibek D. Dzhekshenkulov, doctor of political sciences, professor of the Department of International Relations of Kyrgyzstan-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin; minister of foreign affairs of the Kyrgyz Republic (2005–2007); ambassador extraordinary and plenipotentiary of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic).
E-mail: bekkul.d@gmail.com